

Раздел III

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

В.П. Горюнов

РАЗВИВАЮЩАЯСЯ РОССИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

В основе социального познания — понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Геоисторическая формула России в большей степени неблагоприятна, что усложняет понимание процессов социального развития. Этим объясняются трудности реформ и их оценки. Дальнейшее зависит от политической воли элиты, способности государства к организуемому насилию — без крайностей тоталитаризма и либерализма. Какая бы власть ни была, она должна будет заниматься проблемой выживания общности. Особенно болезненно переживается отсутствие позитивного, конструктивного образа современной, а тем более будущей России.

В основе социального познания, в том числе исследования конкретных социальных объектов (исторических общностей), лежат две аксиомы, представляющие собой два противоположных ответа на вопрос “может или не может общество обеспечить всеобщее выживание своих членов?” Положительный ответ привычен, но он не позволяет объяснить общественную жизнь во всем многообразии ее противоречий. Отрицательный ответ еще не получил достаточного распространения, но методологически он более продуктивен. Ключевым здесь является понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна бóльшая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе, масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, понимаемого как полное проживание жизни всеми членами совокупного населения.

В соответствии с выбранной исходной посылкой, являющейся методологической базой социального исследования, строится целостная социально-теоретическая модель общества.

Существует еще один фундаментальный философский вопрос “может ли человек, как род, обеспечить неограниченное собственное выживание вообще, безотносительно к проблеме вышеуказанного личностно-всеобщего выживания, т. е. к проблеме социального устройства?” Здесь имеются два возможных предела:

1. Абсолютный экологический порог, обусловленный самой природой.

2. Абсолютный производственно-технический порог, обусловленный техносociальной формулой общества. Этот порог, также связанный с уровнем освоения природы, состоит в том, что с какого-то момента затраты на производство ресурсов жизни становятся настолько велики, что расширенное их воспроизводство оказывается невозможным. В конечном счете, речь идет о пределе материально-технического развития общества в контексте его техносociальной формулы, т. е. о теоретическом пределе эффективности производства. Признание или отрицание этого предела не влияет на выбор социально-теоретической модели общества, но имеет принципиальное мировоззренческое значение, как и вопрос об абсолютном экологическом пороге существования социума.

В статье формулируются тезисы, содержащие оценки социально-экономических преобразований России, называемых постсоциалистическими реформами, проводимыми в течение последних шестнадцати лет. Оценки следует рассматривать только в контексте приведенной выше методологии, которую можно обозначить как социальную аксиоматику, позволяющую, тем не менее, составить достаточно целостную картину российского общества на современном этапе.

Различного рода экспертные аналитические выступления по поводу тех или иных социальных событий обычно представляют собой формулировки проблем, исторические аналогии, прогнозные сценарии, сопровождаются диаграммами, графиками, таблицами и другой информацией, но, как правило, не опираются на теоретическое объяснение, не вскрывают сущность, а остаются на уровне явления. Однако необходимо именно объяснение, вытекающее из фундаментального социологического закона, определенной социальной геометрии, выстраиваемой в соответствии с выбранной исходной посылкой.

Исследование конкретной общности начинается с определения ее геоисторической формулы, включающей значения ресурсов территории, трудового потенциала (численность и качество населения), военного потенциала, характер вхождения в систему межобщностного взаимодействия (эквивалентность обмена результатами деятельности) и т. д. Эта формула применима и для конкретного расчета, и как общетеоретическая модель. Она не включает в себя конкретные содержательные элементы, их величины и технологии управления, тем более управленческие решения, но указывает базовые принципы социальных отношений и базовые принципы управления обществом: характер социальной дифференциации, характер власти, роль государства и пр. То есть указывает специфику социальной геометрии общности, особенности ее социального пространства.

Отношение “цель—средство” является фундаментальным социальным отношением, исторические формы отъема чужого жизненного ресурса меняются. Современность в этом плане характеризуется тем, что данное отношение реализуется за счет разницы уровней квалификации. Здесь действует не просто разделение труда в общей системе производства, а неэквивалентный обмен результатами деятельности. За малоквалифицированный труд человек меньше получает, хотя своего жизненного ресурса затрачивает больше. В отношениях между странами происходит то же, что и между индивидами.

Современное понятие изменяющегося мира — глобализация, т. е. превращение всего мира в единую систему межобщностного взаимодействия — экономического, политического, культурного и др. В борьбе за ресурсы на первый план выходит неэквивалентный обмен результатами деятельности. Это означает, что информационно-технологические лидеры, страны постиндустриального мира, имеют возможность получать дополнитель-

ные ресурсы из других стран, не поднявшихся выше уровня сырьевого и индустриального развития, в процессе свободного движения ресурсных потоков всех видов.

Необходимым условием этого является повсеместное господство либерализма. Демократия и права человека становятся орудием в превращении одних общностей в средство получения дополнительных ресурсов жизни для других. Данное социальное явление можно классифицировать как информационно-технологический колониализм, в основе которого лежит постэкономическое принуждение.

На смену завоеванию территории, колонизации, неокolonизации с ее монокультурным производством приходит информационно-технологическая колонизация: в отстающих странах создается такой порядок, при котором они сами добывают ресурсы и отдают их в процессе неэквивалентного обмена передовым странам. Модель ресурсной подпитки лидирующих общностей: номенклатура ресурсов жизни расширяется. Не только энергоносители и минеральное сырье, сюда входит и утечка мозгов, рабочей силы и прочее, перекачиваются ресурсы жизни.

В сфере межобщностных отношений характерно стремление к тому, чтобы в результате обмена с внешним миром накапливался ресурс, потребляемый внутри. В лидирующих общностях высокие цены и высокие зарплаты. Это выгодно в отношениях с сырьевыми странами, поскольку обеспечивает неэквивалентный обмен. Но этот механизм не искусственно созданный, он выражает ускоренное инновационное развитие, темпы обновления нарастают, разрыв в уровнях развития увеличивается. И в межиндивидуальных отношениях то же самое: обновление предметов потребления ускоряется, бедные все больше отстают. Население передовых общностей все больше живет в долг, и вся страна живет в долг. Такое положение поддерживается только дополнительной подпиткой. Если ее убирать, произойдет взрыв.

Современное общество достигло некоторого предельного состояния, возможного при существующем способе жизнедеятельности. Во-первых, это исчерпание материального производства, обнаружение его ресурсных и технологических пределов при отсутствии видимого альтернативного пути материально-технического развития. Во-вторых, в ходе социального взаимодействия, борьбы за жизненное пространство общностям уже некуда расширяться или отступать без столкновения с другими общностями, человечество сомкнулось в ограниченном пространстве.

Глобальный мир можно рассматривать как одну общность, объединяемую необходимостью совместной жизни разных общностей по определенным правилам, при соблюдении общих норм (по аналогии с подчинением отдельных индивидов законам права и морали). Однако в глобальном мире, как и в рамках отдельной общности, предполагаются правила жизни в интересах лидеров, а тех, кто не подчиняется, подавляют силой. Важно отметить, что глобальный мир — это еще не все человечество, а всего лишь расширяющаяся сфера социального объединения, хотя и представленная наиболее развитыми зонами. Глобализация ведет к переструктурированию мира, идет процесс складывания новых геоисторических общностей.

Борьба за выживание является абсолютной, первичной. Нормативность общественной жизни имеет подчиненный характер и направлена на обеспечение выживания. Лидирующие общности, имеющие возможность получать дополнительный жизненный ресурс от других общностей, объективно, по необходимости более консолидированы, едины в организации своей внутренней жизни. Отстающие общности, отдающие свой жизненный ресурс передовым общностям, неизбежно разобщены, глубоко дифференцированы и объективно, в силу самого положения, лишены объединяющей нормативности. Объединяющую и спасительную функцию по отношению к такой общности может выполнить правящая элита, которая, в свою очередь, может сделать это только при появлении в общности

волевого организующего начала. Потребность в таком консолидирующем силовом начале отпадет, лишь когда данная общность перейдет в разряд передовых и, по крайней мере, перестанет быть источником дополнительного жизненного ресурса для других общностей, а в доведенном до логического конца статусе передовой сама сможет пользоваться плодами неэквивалентного обмена результатами деятельности, т. е. получать дополнительный жизненный ресурс. Лишь в этом случае в ее внутренней жизни свобода будет ограничена нравственностью, а духовность станет объединяющей силой. Реализация данного положения применительно к России не требует противопоставлять друг другу в качестве образцов объединяющей духовности мистическую православную святость и какую-либо сугубо рационалистическую наукоподобную идеологичность, лишь бы данная духовность активно выполняла свою объединяющую, мобилизующую функцию. По крайней мере, ясно то, что озабоченность мировыми проблемами, стремление указать мировому сообществу спасительный путь развития и прочие мессианские интеллектуальные потуги в условиях катастрофической неупорядоченности собственной жизни нельзя квалифицировать иначе, чем экзистенциальное извращение.

В принципе, совокупность проблем и связанных с ними целей и задач в современном существовании России достаточно очевидна. Для всех стран схема благополучия и неблагополучия примерно одинакова (по аналогии со здоровьем или болезнью человека, понимание которых людьми в целом совпадает). В связи с этим обращенные к массе политические лозунги различных партий также в целом совпадают. Задача в том, чтобы определить особенности России в оценке ее состояния, а это уже неочевидно (здесь опять уместна аналогия с тривиальной медицинской истиной — лечить надо больного, а не болезнь).

Современная Россия, будучи правопреемницей и продолжательницей всей общероссийской истории, унаследовала экономическую, социальную, этническую, религиозную и общекультурную дифференцированность при огромной территории с ее географической неоднородностью. Соответственно, Россия унаследовала и особый характер своей государственной целостности, требующей больших усилий для поддержания. Из всей совокупности внутренних и внешних проблем ключевой изначально оказалась именно проблема сохранения целостности, потому что с ее решением связано решение всех остальных. Однако в течение последних полутора десятилетий социально-политическая и геополитическая динамика все более приобретает тенденцию ослабления целостности России и все более выявляет угрозу самому факту существования страны. Ее физические границы к настоящему времени достигли минимального критического значения, за пределами которого Россия превратится в некое иное геоисторическое образование.

Россия не является отсталой и подчиненной страной, она переживает состояние кризиса после распада СССР, но при этом ослаблена настолько, что единство социального действия требует для своего поддержания значительных усилий со стороны государства, обеспечивающего соблюдение общественного интереса. Пока что внутренний разлад в России превышает наличную силу саморегулируемой целостности.

Лишившись своей целостности, Россия перестанет быть Россией, а ее граждане перестанут быть свободными гражданами свободной страны со всеми вытекающими последствиями. Сохранение целостности сохраняет и сами возможности решения проблем обустройства всей нашей жизни. Можно достаточно определенно говорить о зависимости дальнейшего существования России как такового от ее целостности и положения в мире в качестве великой державы, а не в скромной роли одной из среднестатистических стран. В связи с этим следует напомнить, что в своем видении будущего человечества мы являемся сторонниками модели многополюсного мира, и здесь надо обязательно добавить, что Россию в этом мире мы видим в качестве одного из полюсов, одного из центров притяжения, а не малозаметной частицы пылевого шлейфа.

После распада СССР Россия на какой-то период неизбежно оказалась в одиночестве в том смысле, что исчезли идеологические основания общности, а “свои” и “чужие” сразу не могут определиться. Возникает необходимость самоидентификации и социальной ориентации. Главное осложнение в этой неопределенности — внутренний разброд, борьба с самими собой. Сейчас России необходимо срочно определять свой собственный интерес, своих друзей и врагов, пусть даже и в исторически переменном виде, но определенных на текущий момент. Кто друг, а кто враг — определяется не качествами партнеров по социальному взаимодействию, а собственными интересами.

Национальные интересы реализуются в сфере межобщностного взаимодействия, и само понятие национального интереса имеет смысл только в аспекте этого взаимодействия. Идентификация общности оказывается возможной только при сопоставлении с другими общностями, идентичность обнаруживается на фоне борьбы интересов, а всеобщим интересом является выживание. Только после распада СССР по-настоящему был осознан вопрос самоидентификации России и других бывших советских республик. Россия, вероятнее всего, так и будет находиться в промежуточном положении между мировыми силовыми центрами. Достижение устойчивости, стабильности на все обозримое будущее остается лозунговой целью, поскольку ее внутреннее развитие находится в полном соответствии с мировым развитием.

Исторически сложилось разделение на бедные ресурсами метрополии и богатые ресурсами колонии. Российская территория не была востребована в колониационном процессе в силу неблагоприятности природных условий и отсутствия необходимых доступных ресурсов, характерных для XVIII—XIX вв. В связи с этим Россия развивалась на своей собственной базе независимо от окружающего мира. Теперь картина материально-технического развития изменилась. Россия оказалась богатой энергетическими ресурсами, доступными для современного уровня техники и технологии, но ее уже не завоевать. Более того, она может соединить современные технологии с ресурсами, чего нет в такой степени в других странах.

Энергетические проблемы в России ощущаются острее, чем в остальном мире в силу неблагоприятных природных условий (не только климат, но и малая плодородность почвы). Чтобы выжить, надо больше затратить ресурсов жизни на единицу жизни. Геоисторическая формула России в большей степени неблагоприятна. По мере цивилизационного развития эта проблема обостряется. Но можно и так рассуждать: цивилизационное развитие вывело Россию на передовые рубежи. Энергетические ресурсы, лес, пресная вода, наконец, просто резерв свободной территории перекрывают издержки холода и бедности почвы. У России есть преимущества, но если не будет инновационного развития, то при количественном росте, расширении предметного разнообразия жизни (предметной номенклатуры существования) все большая доля усилий будет затрачиваться на простое поддержание жизни.

Для освоения территории (ресурсов) не хватает квалифицированного населения, но для наращивания населения (рождаемость, переселение) и обеспечения его качества требуются дополнительные ресурсы, а для содержания на должном уровне необходим постоянно высокий уровень обеспечения. Такого объема ресурсов сейчас нет, и где их взять — неизвестно. Наблюдается элементарное объективное противоречие между большим количеством природных ресурсов (позитивный фактор) и большим количеством ресурсов на содержание производительных сил, осуществление производственных процессов.

Глобализация предполагает рост масштабов, укрупнение, интеграцию, специализацию материально-технического развития. Для России характерна его мелкомасштабность (за исключением Газпрома и других естественных монополий). Причины лежат на поверхности — отсталость в технологиях. Не обеспечить состыковку целостности материально-

технического и производственного развития. Главный отрицательный момент современного управления в России — отсутствие масштабности, адекватной территории и массе природных ресурсов, в первую очередь, стратегических.

Диверсификация экономики означает функциональное дробление ее отраслей, т. е. их переключение с монотоварного на политоварное, многопрофильное производство, переход к выпуску различных видов продукции, производимой на одинаково высоком технологическом уровне. Применительно к России речь идет, в первую очередь, о диверсификации военно-технического комплекса, развитии на его основе производств, ориентированных на другие виды потребления. Однако конверсия ВПК является лишь составной частью диверсификации российской экономики. В более широком плане диверсификация предполагает полипрофилизацию всех отраслей производства, когда экономика страны складывалась бы не из узкоспециализированных гигантов — монополий, производящих либо самолеты, либо корабли, турбины, металлопрокат, электротехнику и так далее, а представляла бы собой комплекс многопрофильных производств, конкурирующих друг с другом и потому заинтересованных в выпуске высококачественной продукции. Здесь уместна аналогия с качеством металлического сплава, который тем более прочен, чем мельче его кристаллическая структура. Разумеется, диверсификация экономики не означает дробления производств, но общая масса малых предприятий необходимо оказывается значительной. Все это требует роста инвестиций, обязательно сопровождающихся внедрением новых технологий, без чего инвестиции не будут эффективными. В целом диверсификация экономики является главным условием инновационного развития, которому нет альтернативы в настоящее время.

Однако при такой постановке вопроса нельзя забывать еще о двух капиталоемких сферах общественного производства — создании устойчивой инфраструктуры, отсутствие которой всегда было тормозом российской жизни, и обеспечении достаточного количества населения при его высоком качестве. Как известно, человеческий капитал, человеческие ресурсы России сейчас предельно истощены и требуют для восстановления огромных вложений.

В лидирующих общностях сосредоточивается мощный человеческий ресурс, главным содержанием которого является высокий профессионализм населения. Иначе говоря, в этих общностях вся жизнедеятельность (бытовая, производственная, управленческая и т.д.) осуществляется профессионально по меркам самых передовых технологий, а значит, она максимально эффективна, что обеспечивает преимущество лидирующей общности в обмене результатами жизнедеятельности с другими общностями. Лидирующей, благополучной общности присущи передовая техника и технология, их обеспечивают передовая наука и образование, высокая эффективность деятельности высококвалифицированных людей обеспечивается высоким уровнем жизни (пища, жилье, транспорт, медицина, отдых) и надежной защищенностью прав и свобод во внутреннем и внешнем существовании общности. Все это в своей совокупности означает способность общности эффективно (выгодно для себя) взаимодействовать с другими общностями, осуществлять обусловленный неравенством уровней технологического развития обмен неравными стоимостями. В обобщенном виде речь идет о количестве заключенной в общности массы человеческой жизни, а следовательно, и о том, что общности обмениваются разными количествами жизни.

В подчиняющем воздействии на общность всегда был и остается один смысл — получение от нее дополнительного ресурса жизни, превращение ее в средство. Исторически первый и самый простой способ — получить дань. В результате технического прогресса данный способ постепенно изжил себя. Все выгоднее было не захватить добычу или принудить к дани, а организовать производство чужими руками и на основе чужих ресурсов.

Глобализация демонстрирует отрицание отрицания — без какого-либо принуждения сами произвели и сами отдали в виде неэквивалентного обмена продуктами. Россия отдает сырье — это стало банальностью. А продукты производства, если они хуже и дороже, не отбирают, потому что они никому не нужны, кроме тех, у кого еще хуже. Но у тех, у кого продукты производства еще хуже, они дешевле. Из России уходит в процессе неэквивалентного обмена вещественное и интеллектуальное (мозги) сырье. О рабочей силе говорится меньше, гастарбайтеры в Европе не российские.

В ходе цивилизационного развития подготовительный предпроизводственный и завершающий послепроизводственный периоды человеческой жизни необходимо увеличиваются. Но хорошее образование и достаточное пенсионное обеспечение — привилегия богатых стран. Уравнилельская система, обеспечившая советские достижения в этих областях, исторически быстро исчерпала свой ресурс. Пропасть между передовыми и отсталыми странами углубляется в том числе и за счет разницы поколенческой структуры населения. С одной стороны, в богатых странах увеличивается продолжительность проживаемой человеческой жизни, увеличивается масса социально зрелого населения, зарабатывающего и накапливающего основной объем всех видов необходимой информации. С другой стороны, в бедных странах основная масса населения не может дожить до зрелого возраста, поколения быстро сменяются без необходимой преемственности социального опыта, а не избежное старение населения богатых стран при увеличении продолжительности жизни компенсируется иммиграцией наиболее способной и образованной молодежи из бедных стран. В итоге единый, как и природа, интеллектуальный ресурс распределяется неравномерно и все более концентрируется в отдельных общностях. Таким образом, независимо от уровня материально-технического развития народонаселение остается главным ресурсом существования общества, и до сих пор этот ресурс оказывается в распоряжении технологически более развитых стран как нечто готовое, как данное самой природой.

Глобализация общественной жизни ведет к реструктурированию общностей таким образом, что лидирующие общности принимают наиболее продвинутых представителей менее развитых общностей и становятся для них своими. Старая общность (родина) остается своей по культурным, религиозным, языковым и другим признакам. Новая общность становится своей на основе более высокого, привилегированного положения по отношению к предыдущему (подобно перемещению из деревни в город как из одной общности в другую). Это позволяет рассматривать глобализацию как всеобщую мировую урбанизацию.

С одной стороны, идет процесс нарастания социальной энтропии: свободное передвижение товаров, услуг, финансов, информации, рабочей силы и т. д. С другой стороны, все это имеет своим результатом концентрацию самого передового, лучшего в одних общностях и деградацию, опустошение в других. Либерализация жизни на уровне индивидов обеспечивает концентрацию наиболее дееспособного населения в лидирующих общностях, составляющих центр глобального мира. Следовательно, глобальный мир, как система взаимодействующих и взаимозависимых общностей, глубоко дифференцирован и на этом структурном уровне не может быть демократическим.

Крайний вариант сырьевой ориентации производства предполагает численность населения, достаточную, во-первых, для осуществления самого процесса добычи и транспортировки сырья, во-вторых, для функционирования обслуживающего комплекса, куда входят необходимая инфраструктура, подготовка кадров, здравоохранение, развлечения, охрана и т. п. Промышленное производство, в том числе военное, сельское хозяйство, транспортное машиностроение и многое другое оказывается ненужным, продукты такого производства можно купить. Соответственно, при подобном способе жизни достаточно трети нынешнего населения России. О ее независимости в этом случае речи не идет.

Другой крайний вариант требует комплексного индустриального развития, обуславливающего экономическую и военную безопасность, возможность полного самостоятельного обеспечения. По такому варианту развивался Советский Союз, располагавший достаточными ресурсами для относительно замкнутого существования в определенный исторический период. Но для его реализации Россией имеющегося населения явно недостаточно. Более того, Россия характеризуется своеобразной демографической аномалией. Демографическое поведение населения такое же, как в передовой, просвещенной высокоразвитой стране, а уровень жизни, как в отсталой, развивающейся. Россия унаследовала от умеренно обеспеченной жизни непомерно большую массу людей, успешных дожить до старости и сдерживающих ее социальную динамику. В развивающихся странах с их параллельно высокой рождаемостью и смертностью население в основном молодое. В передовых странах коренное население намного более старое, но там высокий уровень молодежной иммиграции. Население России в значительной мере пополняется ветеранами, а убывает число молодых, высокообразованных специалистов.

Однако при неизменности существующего положения дел основная масса людей, оказавшихся лишними в производстве и не имеющих достаточной социальной поддержки, обречена на вымирание: индивидуально — в различной форме и в разные сроки, но в целом — в критически короткий интервал времени. Народонаселение, как элемент целостной общественной системы, закономерно придет в соответствие с материально-технической и социальной системами. Одновременно снижение рождаемости, усиливаемое сокращением продолжительности предстоящей жизни, приведет к очередному этапу старения населения и последующему снижению его численности. Нет нужды доказывать, что вместе с “уходом” людей “уйдут” и определенные проблемы социального характера. В этом смысле совершенно ясно, что реформы необратимы — их результатом будет совершенно другая страна.

Но ясно также и другое — вместе с уменьшением массы людей будет уменьшаться и их способность к удерживанию занимаемой территории, которая неизбежно сократится в соответствии с конфигурацией линий разлома, уже очерченных линиями национального и регионального сепаратизма и дополненных контурами внешних территориальных притязаний. Что окажется в остатке — нельзя предсказать, но можно разве что угадать.

Демографический кризис в России имеет ярко выраженные социальные основания: это социально-экономический, социально-политический и социально-культурный кризис, это кризис семьи как первичного социального элемента (ячейки общества). В общечеловеческом плане причиной является атомизация общества, когда индивиду становится не нужна семья в качестве средства его существования, в первую очередь, не нужно общее хозяйство. Остается брачный сексуальный союз, побочным продуктом которого оказываются дети — издержки любовных отношений (подчас выбрасываемые в буквальном и переносном смысле).

Материальное поощрение брачной рождаемости (финансовое и жилищное), с одной стороны, расширяет необходимую базу для рождения детей, но, с другой стороны, провоцирует иждивенческие настроения, а также комбинаторские устремления падких на легкую наживу людей.

Мода на детей не увеличит рождаемость, ибо рождение и воспитание детей должно быть объективной потребностью. Наследование имущества перестало быть фактором рождаемости, как это было, например, в феодальном обществе. Здесь действуют два главных фактора:

1) социальная ответственность родителей за детей, их способность обеспечить детям тот же самый, что и для самих себя, или более высокий уровень существования, достигаемый, прежде всего, с помощью образования.

2) социальная престижность рождения детей, наличие высокого социального статуса родителей, предоставляющего больше возможностей получения общественного ресурса.

Такое соединение факторов возможно только в лидирующих общностях. Кроме того, оно усиливается способностью принимать молодое перспективное пополнение из отставших общностей, за счет чего лидирующие общности получают дополнительный демографический и одновременно интеллектуальный ресурс наряду с сырьевыми ресурсами.

В своем единстве российские национальные проекты выражают стремление интенсифицировать производство человеческого ресурса как первичного условия существования общности. Территория и необходимые природные ресурсы имеются в достаточном количестве. Однако по вопросу о реальности и эффективности национальных проектов основания для оптимизма и пессимизма равноценные. Последнее тревожное ожидание по поводу национальных проектов характеризуется прозаической простотой: самым разочаровывающим обстоятельством может оказаться то, что весь позитивный результат проектов окажется реализованным преимущественно за рубежами России.

Жизнь современного общества обрела еще одну обусловленность — его дальнейшее существование без науки невозможно. Наука теперь не просто непосредственная производительная сила, а главный и, возможно, единственный источник получения новых ресурсов жизни. Переход к инновационному развитию, содержание которого состоит в непрерывном обновлении всех видов технологий жизнедеятельности, обусловлен исчерпанием природы, как источника ресурсов человеческого существования в рамках традиционного технологического способа жизни. Кроме того, в условиях глобализации инновационное развитие становится главным фактором успеха общностей в конкурентной борьбе за выживание.

Но как организовать ее? Новое знание, обеспечивающее получение нового источника ресурсов, является фундаментальным. Здесь возникают два обстоятельства. Первое связано с неопределенностью результатов фундаментальных исследований с точки зрения способа и области их применения. Наука, как целостное знание, представляет собой общечеловеческое явление, а производство ресурсов — отраслевое, дифференцированное. Заранее определить отрасль применения фундаментального знания невозможно. Отсюда вытекает второе обстоятельство, связанное с естественным стремлением субъектов социального взаимодействия избежать расходов на науку в связи с ее всеобщим, внеотраслевым развитием и частным, отраслевым функционированием в качестве средства производства. Кого и как привлекать в науку, если, с одной стороны, научная деятельность становится все более общественно необходимой, а с другой стороны, все менее престижной и материально привлекательной? В науку нельзя командировать, направлять по схеме воинской повинности.

Предельно общим выражением возрастания роли науки в жизни современного общества может быть тезис о том, что она творит глобализацию. В частности, анализ перспектив энергетики, как системообразующего фактора мировой социальной структуры, позволяет рисовать фантастические геополитические сценарии будущего. Сложившаяся в XX в. политическая система земной цивилизации, питаемой нефтью, неизбежно перестроится даже в случае изменения нефтяных маршрутов, как когда-то менялись цивилизации вместе с изменением торговых путей. Но впереди видится фундаментальное изменение — абсолютное истощение нефтяного энергетического источника, грозящее обрушением самого здания цивилизации. В свете данного обстоятельства технологический оптимизм, вообще, и сциентизм, в частности, переходят из разряда абстрактных мировоззренческих конструкций в ранг методологических оснований определения перспективных направлений реальной научно-технической политики. Мало найдется тех, кто усомнится в возможности нахождения альтернативных источников энергии, хотя возможности

атомной энергетики в этом смысле вызывают сомнения, а реализуемость термоядерной пока что остается под вопросом. Очевидно, что получить эти альтернативные источники энергии смогут лишь технологически передовые страны. Но в таком случае коренным образом меняется вопрос о месте так называемых развивающихся стран в измененном социальном пространстве глобального мира. Гипотетические варианты развития демографической и экономико-географической ситуации: научно-технический переворот, лишнее население, лишняя территория. Но такая модель сокращения материально-производственной жизни не просчитывается. А зачем сейчас нужны территории третьего мира? Источники энергии и сырья, размещение грязного производства. Но самое главное — источник рабочей силы.

В целом можно констатировать все большее превращение лидирующих стран в мировые управленческие конторы, но они демографически сами замещаются выходцами из третьего мира. Остается главное — не хватает места лидирующим странам. Действует закон неравномерности материально-технического и социально-экономического развития. Формы передела мира исторически меняются, но имперская суть владения миром остается.

Нельзя не учитывать возможность еще одного сценария, при котором развивающиеся страны превратятся в развитые индустриальные страны. В настоящее время темпы их промышленного развития выше, чем у развитых стран. Но отношение постиндустриальных и индустриальных стран будет уже совершенно иное, нежели привычное отношение индустриальных и аграрных и сырьевых. Какая здесь будет форма зависимости и какая форма силового воздействия? Какие новые виды оружия? Воздействие излучением?

Последнее время в обороте находится понятие “энергетическая война”. Оно определяет новые исторические формы борьбы за выживание на основе агрессии. Это имеет отношение не только к энергетике, но и к ресурсам вообще. Новые формы завоевания ресурсных территорий — через установление контроля, а не путем присоединения территории. В этом плане характерно увязывание военно-политической организации НАТО и энергетической безопасности мира в связи с положением России. Россия становится помехой на пути освоения новых территорий в новых условиях. Может ли Россия этому противостоять и нужно ли ей это противостояние? Едина ли сама Россия в этом противостоянии? Во-первых, возможно просто этническое расчленение как способ устранивания. Во-вторых, социальное расслоение (размежевание) на сторонников и противников самостоятельности и целостности России. А средства все те же — демократия и права человека.

Тезис о враждебном окружении России недостаточно корректен. Все общности имеют свой собственный интерес. Применительно к России интерес окружения может быть общим только с позиций совпадения или принуждения идти в фарватере политики более сильного партнера. Европа, как правило, опасалась России, но в рамках внутренней расколотости часто втягивала Россию в решение своих внутренних проблем. В качестве союзника Россия всегда приносила победу и тут же всячески оттеснялась в сторону от ее результатов. Состязание России и Америки за мировое лидерство продолжалось исторически короткий период. Нынешняя ситуация новая: единая Европа, усеченная Россия, распространившая по всему миру свое влияние Америка, новые мощные субъекты мировой конкуренции. “Вина” России перед ними лишь в том, что у нее самая большая территория с самым большим запасом ресурсов. С точки зрения мирового капитала Россия медленно и в недостаточных масштабах разрабатывает ресурсы на своей территории, что тормозит развитие глобальной экономики. Возникает реальная угроза перерастания упреков в требования, а требований в ультиматумы. Соответственно, перед Россией стоит задача отстоять свою целостность и самостоятельность. Однако все ли ее граждане заинтересованы в таком сохранении и в чем объективное содержание интереса в принадлеж-

ности России? В сохранении целостности и самостоятельности России объективно заинтересовано абсолютно подавляющее большинство ее населения, поскольку изменение политико-географической конфигурации России неизбежно приведет к понижению социального статуса российских граждан в той или иной форме.

Из понимания глобализации следует, что России не остаться в стороне от составляющих ее процессов. Из модели неэквивалентного обмена следует главная задача — не дать превратить себя в средство. Особенность России и ее преимущество состоит в том, что она соединяет лидирующие информационно-технологические позиции с полной энергетической и сырьевой обеспеченностью. Однако ее информационно-технологическое лидерство ограничено узким сектором материально-технического развития и недостаточно для полной реализации своих ресурсных преимуществ. Но если предположить выход России на передовые информационно-технологические позиции в существенных масштабах воздействия на мировую экономику, то ее возможности окажутся просто фантастическими. Вопрос лишь в том, как перевести эту модель из разряда абстрактных допущений в разряд точно просчитанных целевых программ. Но это самый трудный вопрос. В плоскости реального положения вещей в настоящее время имеет смысл говорить не о достижении преимуществ России, позволяющих получать дополнительную ресурсную подпитку в ее взаимодействии с другими странами, а о возможности самостоятельно распоряжаться собственными ресурсами на уровне передовых технологий.

Таким образом, у России два, на первый взгляд, альтернативных пути развития, позволяющих сохранить целостность:

1. Экстенсивный, основанный на лавировании и игре на противоречиях окружающего мира. Преимущество России — это территория и ресурсы (раньше преимуществом было население). Россия всегда была и долго будет, благодаря этому преимуществу, кому-то нужна, кем-то востребована. Для кого-то привлекателен еще ее военный потенциал. Но это преимущество сокращается, как шагреновая кожа, его не хватит на длительную историческую перспективу.

2. Интенсивный, инновационный рывок, подобный индустриализации в Советском Союзе. Потенциал для этого есть, но рывком эту инновационизацию не осуществить. Зато она обеспечивает устойчивость и искомую длительную перспективу. Инновационная Россия не будет иметь равных.

По идее, это два взаимодополняющих принципа. Но их реализация требует талантливых, целеустремленных, самоотверженных людей у власти. Необходимы волевая и самоотверженная элита, а также достаточно умеренная в своих притязаниях масса, компенсирующая умеренность своей жизни в потребительском плане идеями, верой, высокой духовностью. Кто-то сразу же злорадно скажет: “Мы все это уже проходили”. Пусть так, но тогда пусть он оставит в покое вопрос о независимости России.

Альтернатива современной России — быть зависимой или нет — является фундаментальной. При этом сразу необходимо определиться, что зависимость и участие в разделении труда — разные вещи. Зависимость не равна взаимозависимости. С точки зрения интересов политической и экономической элиты стремление к самостоятельности России объективно задано стремлением элиты к сохранению собственной независимости, собственного благополучия. С точки зрения простого человека, рядового обывателя, казалось бы, иное положение в вопросе о независимости России. На первый взгляд, благополучие простого человека (наемного работника) не связано с ее зависимостью или независимостью. По отношению к власти и собственности ему все равно, потому что он одинаково подчинен элите, а потому ему объективно безразлично — своя она или чужая. По ленинской терминологии пролетариату все равно, кто его эксплуатирует (своя или чужая буржуазия).

Значит, это определяется соотношением на уровне обывателей (простых людей) с той и другой стороны, а именно — есть или нет зависимость положения российского обывателя от зависимости или независимости России по отношению к чужому обывателю. Иначе говоря, при зависимом положении России проникает ли в нее только чужая элита, или вместе с ней и чужой обыватель? В данном случае подразумевается не миграция населения, а распространение влияния на характер производства. Нередко можно слышать тезис о том, что простому человеку (труженику) все равно, у кого получать зарплату и у кого покупать товар. Лишь бы зарплата была высокая и товар хороший. Но в зависимой, подчиненной стране этого не может быть — ни достаточного качества и количества рабочих мест, ни, следовательно, высокой зарплаты, а без нее и хорошего товара.

Итак, в настоящий момент для россиян вполне обоснованно выглядит противопоставление — жить скромнее, но самостоятельно (не смешивать с изолированностью), иначе при зависимости будет просто плохо. А по максимуму — надо быть независимыми именно в предельно широкой системе разделения труда. Но это безумно трудно воплотить в реальность. Впрочем, сохранить независимость без лидерства тоже очень трудно, потому что окружающий мир Россию в покое не оставит. Вот где нужна стратегия, экономическая и политическая.

Иногда говорят — Запад нас не будет оккупировать. Но ему этого и не требуется. Подчинять и управлять теперь можно и без оккупации. Но когда понадобится, то и оккупируют.

Является ли Россия угрозой Западу? Является. Если Россия станет передовой, то неизбежно кого-то потеснит. Озвучен призыв к России стать частью Запада. Но если это случится, то от Запада должно что-то отпасть. Мы не хотим стать частью Запада не потому, что культура другая, а потому что не можем стать его равноправной частью.

Давно сказано, что западный тип жизни не единственный путь развития. А какой еще? Как это возможно в контексте глобализации? России объективно необходимо интегрироваться в мировое социальное пространство, но тогда на первый план выходит бескомпромиссная борьба за свои интересы. Инновационный прорыв России в единстве с собственной полноценной обеспеченностью природными ресурсами будет означать ее прорыв в так называемый золотой миллиард. Данное понятие имеет скорее негативный оттенок в контексте противопоставления мировых лидеров и аутсайдеров в качестве цели и средства. Применительно к России, рассматриваемой в качестве потенциального кандидата в клуб лидеров, он смягчается меньшей потребностью в неэквивалентном обмене результатами производственной деятельности как средстве получения дополнительных ресурсов жизни от других общностей. Однако проявление оптимизма в вопросе о возможности прорыва России в мировые лидеры должно быть, как в таких случаях говорят, очень осторожным. Дело не в том, что российскому самосознанию вообще свойственен лозунговый характер (вспомним не столь давнюю призывную формулу соединения преимуществ развитого социализма с достижениями научно-технической революции), а в том, что прорыв в лидеры требует огромного высококвалифицированного труда и умнейшей организации производства и всех обеспечивающих его сфер, — тех двух главных слагаемых, которые в России, как правило, были дефицитом.

В глобальном мире насилие становится признанным естественным состоянием, не подлежащей ценностному измерению нормой общественной жизни. Однако претензии на мировое господство потеряли свою былую адекватность и просто стали излишними, они сменились претензиями на мировое лидерство, которое не надо маскировать и оправдывать, как не надо скрывать претензий на победу в спорте. Граждане лидирующих общностей, по сути, являются свободными гражданами всего мира и не нуждаются в роли господ, будучи хозяевами своего собственного положения в мировом социуме.

Желательно обойтись без войны. Но от нас не все зависит, нам могут ее навязать. Одна из угроз — мировой терроризм, представляющий собой идеологию, как и все остальные течения и направления общественной жизни (как совокупность идей и как социальная структура). В том и другом смысле он пришел на смену фашизму с его идеей мирового господства избранных и коммунизму с его идеей мировой революции обездоленных. В таком ключе можно представить всю мировую историю. Пока что идеология и средства террора имеют тенденцию к расширению.

Последние сто лет российской жизни ознаменовались призывом к всеобщему благополучию, борьбой за высокий уровень потребления по исторически сложившимся показателям. Чем шире сфера потребления, тем больший объем богатства требуется, тем труднее для России его обеспечить. Гонка в потреблении (как и в вооружении) все время отбрасывает Россию назад и обостряет внутреннюю борьбу за потребление. Навязывание образа жизни, ориентирующего на массовое потребление, разрушает Россию. Здесь нет никакого злого умысла ни с чьей стороны, это объективный процесс, но одновременно и форма соревнования, борьбы.

В ходе предвыборной кампании 2008 года была провозглашена установка на проведение политики социального развития России, означающая приоритетную ориентацию на простого человека. Это определенная адресная идеология, приемлемая сама по себе и понятная тому самому “простому человеку” идеологическая формулировка, рассчитанная на ответное доверие с его стороны. В теоретическом (политологическом) плане она представляет собой не что иное, как политико-экономическую установку (курс) на создание среднего класса, т. е. широкого слоя обеспеченных людей. В самом общем социально-теоретическом понимании речь идет о достижении Россией возможности всеобщего выживания ее граждан. В принципе все это необходимо следует из лидирующего положения общности, которое может быть достигнуто только на пути инновационного развития. У России здесь безусловное стратегическое преимущество, состоящее в наличии собственной ресурсной базы, которая может явиться источником средств, требуемых в большом количестве для осуществления инновационного процесса. При таком подходе в вопросе об использовании денег, получаемых от продажи сырьевых и энергетических ресурсов, все встает на свои места. В первую очередь, они не должны быть источником обогащения отдельных лиц, независимо от их статуса, но, вместе с тем, они не должны стать непосредственным источником удовлетворения социальных потребностей, их нельзя “проесть”. Социальное функционирование этих денег окажется эффективным и долгосрочным опосредованно, в виде результатов от перехода на путь инновационного развития. Разумеется, решение наиболее острых социальных проблем, связанных с ограничением самого существования части людей рамками текущего времени (например, формирование подрастающего поколения и забота о ветеранах), не должно быть отложено на неопределенное будущее.

Политика социального развития выражена в терминах “уровень жизни”, “качество жизни”, “достойная жизнь”, “благополучие” и тому подобное применительно к “основной массе населения” и в сопоставлении с развитыми странами Запада, она ориентирована на вполне определенный срок. Провозглашение этой политики является логическим завершением шестнадцатилетнего периода трансформации России, характеризующейся только одной целевой определенностью — сломать старую систему, но не имеющей абсолютно никакой определенности по вопросу о целевой модели будущего России. Дальше так продолжаться не могло, ибо в противном случае на повестку дня ставился вопрос о прекращении самого существования России. Благоприятное стечение обстоятельств, выразившееся в соединении волевого начала, обеспечившего внутриполитическую конструктивную активность, и выигрышной внешнеэкономической конъюнктуры, связанной

с естественно-природными факторами, позволило перейти от установки на ожидание парализующих волю пессимистических прогнозов к установке на разработку оптимистических планов.

Однако при этом нельзя уклониться от мысли о сроках и, следовательно, цене российских реформ, измеряемой человеческими жизнями. Тридцать лет, складывающиеся из примерно равных периодов прошедшей трансформации и ожидаемого подъема, — большой срок не только в жизни отдельных людей, но и для страны в целом. В него уложилось много не дожитых и не начавшихся человеческих жизней, нереализованность которых означает самопроизвольное уменьшение остроты социальных проблем, автоматическое освобождение места в социальном пространстве. Об этом должны будут вспомнить и в тот момент, когда наступит, хочется в это верить, время благополучия оставшихся живых, чтобы они не приписали заслугу достижения собственного благополучия только себе.

Утверждению о том, что Россия достигла исторического пика в своем развитии в качестве Советского Союза, часто противопоставляется утверждение о чрезмерных жертвах, принесенных ради достижения величия страны. Классической формулировкой в качестве предмета такого противопоставления может быть лозунг времен Великой Отечественной войны “Все для фронта, все для победы”, рассматриваемый в предельно широком контексте, а не только как производственный призыв. Возможно, оценки исторического прошлого не столь значимы для переживания современной ситуации, но, пусть даже абстрактно, можно поставить вопрос о наличии или отсутствии пределов цены за сохранение российской целостности и самостоятельности в настоящее время. Если это будет всеобщая готовность, то можно руководствоваться известными песенными словами “мы за ценой не постоим”, но такая готовность сама по себе не возникает, она должна опираться на всем понятную и приемлемую для большинства национальную идеологию, от имени которой будет оправдано возможное организуемое насилие в случае появления такой необходимости.

Но, самое главное, нельзя ограничиваться провозглашением лозунга о движении к благополучию, особенно в рамках его соотносительности с другими странами. Необходим расчет целевой модели, разработка программы по ее реализации — дерева целей, перечня средств и их источников, ответственных исполнителей, т. е. должна быть не только соотносительность с чем-то и кем-то, но расчет целевой модели, представленный в абсолютных величинах.

В принципе формула всеобщего благополучия более понятна, чем формула коммунизма “от каждого по способности, каждому по потребности”. Более реальна и понятна формула социализма “от каждого по способности, каждому по труду”, но она не поддавалась точному расчету: как и чем измерять способности и труд, в каких единицах? Здесь не слышно стройного хора экономистов.

Тем не менее формула всеобщего благополучия предполагает простую вещь: возможность каждому социально активному (участвующему в производстве) человеку полностью прожить хотя бы свою природой отпущенную жизнь. Для этого ему надо быть сытым, обутым, одетым, иметь нормальное жилье, возможность учиться, в меру работать и отдыхать, лечиться и т. п. Разумеется, если он сам хочет прожить свою жизнь полностью, не укорачивает ее какими-либо отклонениями или пристрастиями. *Всего лишь.*

Здесь могут быть две линии дискуссии. Одна путано-казуистическая о том, а каким содержанием должна быть наполнена жизнь, достойная и недостойная, уравненная или нет, и как сделать, чтобы все стремились к такой жизни. Такие дискуссии уже были в период строительства коммунизма. Что значит “по потребности”, сколько человеку нужно костюмов, каждому ли нужен автомобиль и пр.? Как заставить человека работать “по способности”? Разумеется, роль субъективного (человеческого) фактора велика, и правы были

коммунисты, когда говорили о необходимости коммунистического воспитания, без которого ничего не получится. Другая, реальная дискуссия сводится к вопросу “а возможно ли это вышеуказанное *всего лишь*?”. Дело в том, что оно предполагает одно простое условие — чтобы общество было не то чтобы богатым, а *очень* богатым. Вот где подлинная проблема возможности благополучия.

Провозглашение курса на всеобщее благополучие, достижение которого в основном ориентировано на 2020 год, предполагает конкретный расчет в абсолютных величинах, т. е. определение дополнительной массы ресурсов жизни, необходимой для такого благополучия. Соответственно следует надо обозначить источники этой дополнительной массы. Абстрактно просматриваются три источника:

1. Перераспределение национального богатства. Этот источник, во-первых, нереален, во-вторых, недостаточен.

2. Жизнь за счет сырья. Достаточно реально, но без долгосрочной исторической перспективы даже при сохранении высоких цен на энергоносители. “План — 2020” базируется именно на таком экономико-технологическом прогнозе.

3. Инновационное развитие. Этот источник гарантирует успех, но чрезвычайно труден для реализации. Тем не менее можно без преувеличения сказать, что подлинная революция, в которой нуждается Россия, и которая стала бы самым масштабным переворотом в ее истории, это переход на путь инновационного развития.

Инновационная революция стала бы одновременно и социальной революцией, ибо без устранения позорного перепада уровней жизни, когда у одних людей не хватает средств для простого выживания, а другие, например, платят миллионы рублей за разовое посещение ночного клуба, выход на путь инновационного развития закрыт. Разумеется, речь не идет о том, чтобы всех посадить за столики наравне с элитой, имеется в виду простое всеобщее выживание, т. е. проживание каждым человеком своей заложенной природой (отпущенной Богом) жизни.

Давно ведется дискуссия о среднем классе, критериях отнесенности к нему. Фундаментальным критерием является способность (возможность) к выживанию на долгосрочной основе, а не в период перенапряжения сил, которые в любой момент можно утратить. Средний класс означает возможность выживания, но собственным трудом в буквальном смысле. Высший класс в магазинах не ходит и в очередях не стоит. Вот в чем разница по качеству. Да, такой класс — основа развитого общества, но его консолидирующим фактором является положение общности во внешнем социальном взаимодействии, неэквивалентный обмен за счет более квалифицированного труда, передовых технологий.

В отношении к жизни как ценности наблюдается тенденция к единству двух противоположных установок. Одна делает акцент на увеличение объема и расширение качества содержания жизни, на рост ее ценности вообще, в том числе и в экономическом выражении, т. е. стоимости жизни. Другая выражается во все большем понимании относительно жизни как ценности, ее временности, суетности, бессцельности и бессмысленности. Обе тенденции развиваются на основе отношения “цель—средство”: “люди—цели” неуклонно стремятся к неограниченному увеличению продолжительности жизни и ее неограниченному содержательному наполнению (беспредельно наращивают абсолютную и относительную ценность своего существования). Сфера существования людей—средств на этом фоне все более сокращается, и они балансируют на грани изначального отказа от жизни. Сейчас это отказ от рождения детей, а в дальнейшем возможен и отказ от собственной жизни. В будущем вполне реалистично допущение эвтаназии не только по медицинским, но и по социальным показаниям, особенно при появлении средств ухода из жизни, доставляющих наслаждение.

Тезис о достойном проживании жизни отдельными (или даже многими) людьми имеет определенное субъективное подтверждение — можно на протяжении всей жизни не обижать слабых, никого не обманывать и вообще жить в соответствии с христианскими заповедями. Но прежде чем жить достойно, надо сначала просто выжить, а это предполагает проживание чужой жизни. Даже ученый, казалось бы, предоставляющий обществу неоценимые возможности дальнейшего развития, функционирует в рамках фундаментального социального отношения “цель—средство”.

Притягательная карнавальность западного мира означает соединение предметного благополучия и веселости, легкости в восприятии жизни, кажущейся беззаботности. Россия всегда славилась своей серьезностью, граничащей с суровостью и перерастающей в беспощадную жестокость. Исключение составляют религиозные праздники типа масленицы, кратковременные и умеренные по веселости, зачастую выражающейся в бесшабашном, пьяном разгуле. Советский социализм был тоже более торжественен и суров, чем весел и беззаботен. Возможно ли возрождение России не как возврат в то или другое время, а как переход к новому образу жизни, такому же, как в соседнем благополучном мире? Разумеется, какой-то слой, живущий новой цивилизованной жизнью, уже есть в лице второго поколения обеспеченных людей (дети приватизаторов и новой госноменклатуры). Однако вопрос в том, возможно ли в России массовое благополучие, позволяющее людям улыбаться и естественным образом радоваться жизни, а не ограничиваться по выходным дням истерическим хохотом от пошлого телевизионного юмора.

Человек руководствуется в своей деятельности стремлением к обеспечению собственного благополучия (способности к выживанию) в любой сфере деятельности и в любой системе общественных отношений. Способы и формы достижения благополучия различны — трудовая производственная и творческая деятельность, предпринимательство и политика, но все они едины в том, что результаты человеческой деятельности, будь то материальный или духовный продукт индивидуального потребления, организационно-хозяйственное и военно-политическое решение, востребованы обществом (асоциальные формы достижения благополучия оставим в стороне). Успех человеческой деятельности измеряется степенью непосредственной или опосредованной востребованности ее результатов. Таким образом, нет смысла различать и противопоставлять людей по тому признаку, что одни из них озабочены служением обществу, а другие только своими эгоистическими интересами, ибо все люди стремятся к собственному благополучию и все они в своей деятельности социально нагружены.

Устойчивое равновесие человеческой жизни достигается в ее крайних значениях — бедности и богатстве. Бедность рождает одно стремление — выжить, других проблем здесь нет. Богатство, напротив, позволяет об этом не думать и обеспечивает свободу действий. В среднем положении, когда сколько бы ни было, все будет мало, жизнь уходит на борьбу за повышение уровня сверх простого выживания и обесмысливается отсутствием предела в этой гонке за тенью. Именно в среднем положении, в условиях массового потребления становится проблемой так называемая бездуховность.

Массовое потребление не имеет пределов — все больше и больше, новее и новее, на первый план выходят жизненно (потребительски, функционально) не существенные критерии. Здесь цель производства — получение прибыли, а не удовлетворение потребностей, хотя производство и определяется спросом. В отношениях “производство—потребление” и “продажа—покупка” происходит обмен результатами труда, массами ресурсов жизни, в котором покупающий отдает ресурса больше, чем продающий. В многозвенной цепочке покупок и продаж наиболее выгоден сбыт конечного продукта, уже не идущего в производство. В этой цепочке все более четко оформляются поставщики сырья (первая ступень выгоды) и производители конечного продукта (последняя ступень выгоды). Скла-

дывается устойчивый механизм неэквивалентного обмена, в котором массовое потребление становится орудием подчинения, наиболее эффективным в условиях глобального открытого общества.

Так называемое массовое потребление по своей социальной сути является всего лишь украшением жизни, а не необходимым условием ее поддержания. Оно доступно людям (и общностям), воплощающим в своем существовании цель общественного развития, тогда как люди (и общности) -средства ограничиваются в своем существовании простым выживанием. Таким образом, содержание и объем потребления выражают в своей совокупности принадлежность людей (и общностей) к разряду “цели” или “средства”.

Социальное равенство, понимаемое арифметически, несправедливо по сути и невозможно по исполнению. Социальное равенство состоит в возможности выживания всех членов общности, независимо от их социальной роли, но при зависимости от нее способа проживания, его содержательного наполнения. Понимаемое так, равенство справедливо по сути и возможно при лидирующем положении общности, обеспечивающем получение от менее развитых общностей дополнительного ресурса жизни.

Модель постиндустриального общества, сформировавшаяся на примерах жизни лидирующих стран, на почве российской действительности означает следующее: никто не хочет работать в сфере материального производства, все хотят управлять, заниматься бизнесом, играть в футбол, теннис, петь, танцевать, драться на ринге и т. д. Конечно, зрелищные профессии труднее производственных, они требуют больше таланта и труда, однако все наиболее талантливое концентрируется в лидирующих странах (и наука, и искусство, и спорт), туда приток талантов извне, из аутсайдеров, в сопровождении со строителями, уборщиками, официантами и другими представителями сферы обслуживания. А материальное производство выносится вовне — сборка автомобилей, прокат металлов и пр. На территории аутсайдеров складывается индустриальное общество, но на базе привозных готовых технологий.

Для современной России главное условие выживания — достижение единения. Речь не идет об общем согласии всех со всеми, а о преобладании какой-то одной идеи, от имени которой можно было бы применять организующее насилие ко всем. В отличие от интернационалистически ориентированного СССР, подразумевается отстаивание собственных интересов, а не мировой революции. Такая идея должна исходить от элиты, которая, однако, не характеризуется определенностью представленности — ни национальной властью, ни национальным капиталом, ни, тем более, средним классом. Российское общество делится на элиту и всех остальных (массу). Эти все остальные не составляют средний класс, первым признаком которого является возможность выжить за счет своей активной деятельности. Понятно, что всегда и везде будут обездоленные, по каким-либо причинам отброшенные на обочину жизни, оказавшиеся крайними. Но в передовом обществе их всегда поддержат, не дадут погибнуть.

Объективно заданной нормативности в обществе нет, нормативность — всегда миф, складывающийся в результате борьбы интересов. В устойчивой социальной системе преобладают устойчивые мифы. А устойчивые системы существуют либо изолированно в природе, либо в качестве лидеров в обществе. Кризис общества выражается, прежде всего, в ломке нормативности. Молодое российское поколение оказалось брошенным в рамках сплошного плюрализма — живи как хочешь, делай что хочешь. Здесь работает модель темного пространства с множеством призрачных светлячков, никак не ориентированных. На них обрушивается реклама пива, втягивает наркотическая среда. Абсолютный идеологический плюрализм реально оказывается абсолютной пустотой, отсутствием внешней общественной заданности человеческого поведения. Подростки оказались не у дел, их легко подобрать. Но подбирает негатив, потому что он задает ценности, адекватные естественному

существованию: алкоголь, наркотик, секс, агрессия как потребность. У позитива нет средств для того, чтобы подобрать брошенного подростка. Позитив оказывается мифом, а негатив реален. Так что самая главная проблема — установление всеобщей позитивной нормативности.

Нет никакой действенной системы координат. Все понимают, что она нужна, но никто не может обосновать некую определенность. Исторический опыт дал модели царской и советской России. Стало понятно, что религия в качестве идеологии наиболее универсальна, но Россия чересчур дифференцирована в религиозном плане. Нет устойчивых лозунгов, обращенных к молодым. Здесь открывается только один путь — выработка отношения к России как к своей общности, формирование образа своей страны. Эта модель должна быть выше религиозной. Отсюда вытекает светский всеобщий идеал нормативности. В связке “церковь—государство—семья” вместо церкви может быть введено понятие команды. Страна как одна команда, а церкви — разные команды.

Общность не может существовать без идеологии, которая является ее необходимым духовным ресурсом. Идеология это основная идея, совокупность определенных руководящих принципов. Суть идеологии в том, что она выражает безусловное, исключительное право какой-либо общности на существование вообще и занятие собственного места в социальном пространстве, в частности. Следовательно, идеология выражает определенный интерес и не может быть абсолютно объективной, как и социальная теория. В этом контексте идеология есть теория, ставшая средством социального целеполагания.

Таким образом, пора реабилитировать понятие идеологии, начиная с реабилитации понятия общества, главный смысл которой состоит в преодолении антагонизма между личностью и обществом. Общество не ниже и не выше личности, оно есть необходимое условие выживания всех, поэтому общество принципиально не может быть противопоставлено личности, а противопоставление личности обществу есть не что иное, как ее противопоставление другим личностям. Идеология России — это идеология общего развития, направленного на исключение отношения между ее гражданами, при котором жизнь одних превращается в средство жизни других, это государственная идеология, выносящая социальное отношение “цель — средство” за пределы внутриобщностной жизни.

Не может быть идеологии существования всех, обосновывающей всеобщее существование как таковое, одинаковое для всех по праву на него. В связи с этим религия в качестве идеологии недостаточна для широких по своему составу общностей, если не признавать фундаментализм, который представляет собой разделение, форму дифференциации в рамках одной (общей) религии.

Содержание любой идеологии составляют ответы на фундаментальные вопросы социального бытия людей: об их общностной самоидентификации и месте в существующем социальном окружении, стратегических целях и средствах жизнедеятельности по самоутверждению в нем. Кто-то должен определить это содержание, т. е. создать самоидентификационный образ общности, сформулировать цели и определить средства ее утверждения среди других общностей — разработать программу, рассчитанную по времени и ответственным исполнителям. Для всего этого должна быть действенная власть — сила и воля. В современных лидирующих общностях власть воплощена в системе, в России она традиционно и преимущественно имеет личностный характер. Следовательно, для России требуется такая система личной власти, которая сама была бы системной. Наверное, не случайно Европа не отбросила повсеместно монархической политической надстройки. И не случайно образец устойчивости демонстрирует политическая система США, потому что она изначально создавалась как целостная система, не зависящая по своей сути от персональных различий очередных дежурных команд власти.

Однако новой идеологии, определенной и понятной людям, с которой согласилась бы основная масса населения, пока еще не выработано, идеологического ресурса не хватает. Структура собственности, обеспечивающая устойчивое функционирование и развитие производства, еще не сложилась. Соответственно государство еще не стало субъектом эффективного управления, основанного на твердом понимании стратегических долгосрочных целей России. Для устранения этих пробелов требуется, во-первых, существование ведущей организации, во-вторых, наличие политической воли.

В лидирующих странах социальная активность населения и единство социального действия формируются как элементы самоорганизации общества, потому что его члены объективно заинтересованы в сохранении лидирующего положения своей страны, в этом они поддерживают усилия государства и “подталкивают” его в этом направлении.

В отсталых и подчиненных странах частный интерес превышает общественный, т. е. конкуренция и борьба превышают единство интересов, поскольку активность деятельности индивидов направлена на собственное выживание вне связи с выживанием страны. Государство здесь имеет частный характер, будучи орудием в руках одной из социальных, этнических, религиозных групп населения.

Популярный в среде политиков лозунг построения в России гражданского общества требует коррекции отнюдь не стилистического характера, поскольку ему должен предшествовать лозунг достижения гражданского мира. Гражданская война — это война за власть, война между старой и новой жизнью, война за правила игры, устройство социальной системы. Тем не менее в основе гражданской войны лежит, в конечном счете, борьба за собственность. В России это была в основной массе борьба за землю: у одной части населения ее отнимали (экспроприировали), другой части населения передавали. Средством борьбы за собственность была власть, потому и гражданская война направлена на борьбу за власть (за государство, т. е. за право издавать законы и карать за их несоблюдение при помощи армии, полиции, суда и т. д.)

В 1990-е годы власть изменилась сама, люди “решили” вернуться к старой системе собственности, но уже не было разных противоборствующих социальных групп людей (классов), борющихся за собственность. Эти группы должны были сформироваться в ходе самой борьбы. Изначально никто не знал, на чьей он стороне, потому что не было самих сторон, но в результате тоже получилась гражданская война, хотя, во-первых, без общей линии фронта, а во-вторых, война непосредственно за собственность, а не за систему власти. Это оказалась война всех против всех, когда надо было на всех разделить общее. Война потому, что разделить на всех общую собственность невозможно — одни захватывают все, а другие остаются ни с чем. Непосредственно боевые действия вели друг с другом захватчики, претенденты на собственность, которых оказалось больше, чем самой собственности — то была и в какой-то мере остается до сих пор настоящая гражданская война, война за принадлежность к элите, “людям—целям”.

То, что одни захватили все, а другие остались ни с чем, очевидно и оправданию (как и осуждению) не подлежит, хотя еще долго не забудется, если закрепится в этом виде, поэтому вполне объяснимо стремление к развитию мелкого бизнеса, созданию класса мелких собственников, которые будут удовлетворены своей маленькой собственностью и забудут, что когда-то остались ни с чем. Новый миф нового общества — вера в то, что можно разбогатеть, она придает смысл человеческой жизнедеятельности.

Приватизация на какой-то миг зафиксировала в России уникальное явление — население, полностью состоящее из собственников, хотя и виртуальных в подавляющем большинстве, но, как известно, концентрация производства обусловлена технологическими факторами, поскольку в материально-техническом развитии происходят не только переходы к новому предметному содержанию (использованию новых природных ресурсов),

но и рост масштабов, сложности, системной целостности вплоть до становления глобальной экономики. Действительно, складывается технологически единое мировое хозяйство, однако управление им требует единого основания, которое состоит в собственности, а собственность в свою очередь есть выражение частного характера социальной жизни. Таким образом, налицо объективное противоречие между технологической и социальной (собственнической) целостностью производства, что в марксистской модели буржуазного общества обозначено как противоречие между общественным характером производства и частнособственническим присвоением его результатов. Масштабы социальной целостности в виде единой собственности растут вслед за объемами технологического роста, но никогда не догоняют их, будь то собственность частная или государственная.

Главное здесь — именно рост масштабов собственности, концентрация которой есть то субъективное, социальное, что обеспечивает концентрацию производства (объективное, технологическое). Это и есть так называемое возрастание роли субъективного фактора в развитии общества. Нельзя не отметить, что сверхбогатство наблюдалось и в древности, и в средневековье, когда ни о каком едином мировом хозяйстве не могло быть и речи. Тем не менее и тогда единство собственности служило поддержанию хозяйственной целостности. Однако с современным богатством оно не идет ни в какое сравнение по концентрации в нем овеществленного труда. Дворцы, напичканные драгоценностями и роскошью — уже не главное выражение богатства.

В новейшее время рождаются два основных мифа: централистский (коммунистический), провозглашающий модель всеобщего (всемирного) благополучия при всеобщем равенстве, и либералистский, отвергающий модель всеобщего равенства, но провозглашающий возможность каждого быть богатым. Проблема сверхбогатства снимается в обоих случаях — в коммунистической модели оно объявляется аморальным и объективно оказывается излишним, в либералистской модели оно не вызывает протеста в контексте фундаментального буржуазного тезиса — ты тоже можешь, если постараться и если повезет. В гражданском либеральном обществе, как союзе собственников, на первое место выходит не столько богатство, сколько комфортабельное благополучие. Основной идеологический посыл этого общества — пусть все будут сытые, но не будет равных. Однако это совершенно пустой, беспочвенный посыл, поскольку именно сытыми всех не сделать.

Таким образом, (сверх)богатство существует, не будучи следствием деловых, квалификационных различий, но выражая объективную необходимость концентрации средств производства. Субъективно богатство всегда было и остается итогом общественно значимой деятельности (борьбы).

Многopартийность в России означает отсутствие определенного порядка, социального единства, целостности. Она возникает в период кризиса, состояния на грани исторического бытия и небытия, жизни и смерти социального организма. Многopартийность в России является неотъемлемым признаком равновесного безвластия, гражданской войны, смутного времени.

Двухпартийная или даже многopартийная, но устойчивая блоковая система в современной России невозможна и останется невозможной до тех пор, пока в России не сложится ситуация объективно единого социального интереса.

Демократия означает наличие правил борьбы за выживание. Однако в борьбе за выживание правил не может быть по определению, поэтому любая демократия служит средством поддержания господства одной группы людей над другой. В глобальном обществе устанавливается новый тип социальной дифференциации, в которой линии внутриобщностного и межобщностного разделения на цель и средство сплетаются в пронизывающую все общество сеть, и демократия доводится до своего логического предела — становится всеобщим правом борьбы за выживание, когда само понятие права становится излишним.

Постановка вопроса об особенностях, в том числе и достаточности, российской демократии, как и всякой другой, вполне уместна. Демократия либо есть, либо ее нет. Ключевым моментом демократии (и в аспекте власти народа, и в аспекте прав и свобод человека) является независимость существования людей от власти и друг от друга. Другой вопрос, что люди в своем существовании взаимосвязаны друг с другом, и возможности существования у людей разные, но никто не вправе ни навязать человеку способ существования, ни, тем более, лишить его возможности самого существования вообще. Удовлетворяющей всех демократия не может быть по определению, ибо сам феномен демократии, наряду с другими формами регулирования совместной жизни людей, обусловлен социальной дифференциацией общества, объективными закономерностями этой совместной жизни.

Выборы в Государственную думу состоялись, партийное распределение сложилось. Персональный состав кандидатов в президенты соответствовал партийным пропорциям. С точки зрения исторического опыта политической жизни это нормально и является элементом российской стабилизации. Итоги выборов не принесли неожиданностей.

Здесь интересно другое: в чем был программный выбор, т. е. каковы содержательные различия предложенных программ? Все за великую Россию и благополучие ее граждан. - Различия в предлагаемых методах, и именно в них заложены левая, правая и центристская позиции, именно в них надо разобраться.

В России в явном и неявном виде представлен весь политический спектр, поддающийся общему разделению на левых, правых и центр. Левизну Россия пережила и переросла, а для последовательного либерализма еще нет необходимого технико-экономического основания. По своей геоисторической формуле Россия обречена на централизм, будь то помещичье-монархический, коммунистический, партийно-демократический или просто демократический, складывающийся в настоящее время. Управленческая суть одна — ведущая роль национального государства.

Если общность оказывается перед угрозой распада, то государство применяет объединяющее насилие. Линии социального разлома могут быть по самым разным основаниям: этническое, религиозное, региональное, но все они объединяются линией размежевания между лидирующими группами по корпоративным интересам. Государство должно быть выше частного интереса. В передовых мировых общностях внешний интерес довлеет над внутренним, поэтому там нет необходимости в крайнем насилии над внутренними конкурентами. В современной России борьба частных интересов бескомпромиссна, она разрывает общность на части, обрекает ее на раскол. Государство не может позволить бизнесу такую борьбу. Оно не примиритель и не проповедник, государство при необходимости должно выполнить свою охранную функцию силой. Однако для этого нужна политическая воля. Разумеется, на таком силовом основании единство общности не может держаться вечно, а потому главной функцией государства должно быть создание условий для прорыва общности в системе внешнего социального взаимодействия.

Последнее время в рамках бесспорного до банальности тезиса о единстве российского общества получил распространение тезис о необходимости единства государства и бизнеса, которое является обязательным условием выполнения крупных национальных программ, непосильных для одного государства. Речь идет о том, что у государства недостаточно средств, т. е. денег, для решения *государственных* (потому что оно за них отвечает) проблем. Бизнес должен поделиться с государством — вот пафос этого тезиса. А если не поделится? Тогда вышеуказанные программы окажутся принципиально невыполнимыми, т. е. под угрозой окажется само существование России.

Что ж такое (или кто такой) российский бизнес? С одной стороны, это сфера общества, прежде всего, производственная, обособившаяся от государства, совпадавшего

ранее со всем обществом; а с другой — конкретные люди, завладевшие этой сферой, ее нынешние собственники. Следовательно, бизнес является предметом одушевленным и неодушевленным одновременно.

Обособление части общества, формально выразившееся в отделении собственности от власти, повлекло за собой обособление другой его части, государства, которое перестало отвечать в полной мере за всех остальных людей, не являющихся собственниками. Иначе говоря, капитал отделился от государства, а государство отделилось от общества. При этом персонафицированная преемственность собственности закреплена законом, а персонафицированная преемственность власти обеспечивается выборными технологиями при финансовой поддержке со стороны собственности.

В лидирующих общностях с объективной сменой циклов общественного развития связана смена партий у власти как смена дежурных команд власти. Образ перехода власти из одной руки в другую здесь вполне уместен. В России это должна быть просто партия власти, а не сменная команда. Трансформация России определяется борьбой различных социальных групп за господство; здесь нет общей цели, направленности; результаты трансформации непредсказуемы. Партия власти должна все это иметь — направление, цель (в виде определенной модели), пути и средства ее достижения.

В России пока что неизбежен драматизм выборов, выражающийся в несоблюдении декларируемых норм честной политической состязательности (так называемые грязные выборные технологии — черный пиар, подкуп и прямое насилие). Борьба за власть в России пока еще остается борьбой за разделение внутренних источников ресурсов жизни, это непосредственная борьба за выживание между представителями господствующих социальных групп. В лидирующих общностях приоритетной является борьба, связанная с межобщностными отношениями, с получением ресурсов жизни из внешних источников. Следовательно, эта борьба опосредована субъектным единством всей общности, выражающимся в единстве интереса в сохранении лидирующего положения в мире. Тогда как в борьбе за власть в России больше оснований для преобладания частного интереса (регионального, этнического, корпоративного и просто личного). В лидирующих общностях частные интересы в борьбе за власть в большей мере имеют общественное содержание.

Ощущается дефицит теоретического обоснования в выработке стратегии развития. Предлагается множество моделей, но они не выходят за рамки, с одной стороны, лозунговых деклараций, а с другой — управленческих экономических и политических технологий. Для достижения чьих-либо личных амбициозных устремлений этого достаточно, но если речь вести об общенациональных интересах, то, в первую очередь нужна общая идеология, включающая в себя определение самих себя, своих целей, необходимых средств и возможностей. Здесь без теории не обойтись. В противном случае все сведется к банальному волюнтаризму. Разумеется, было бы неверно утверждать, что отсутствие социальной теории тормозит социальную практику. Реальная жизнь протекает не по теоретическим канонам, подобно армейской, регулируемой параграфами воинского устава. В конкретной деятельности, столкновении интересов теория востребована меньше всего. Тем не менее люди, которые творят эту самую жизнь, должны владеть теорией и не действовать вопреки законам объективной реальности, не пытаться, по аналогии с инженерной деятельностью, изобрести вечный двигатель.

Таким образом, Россия в той формуле, по которой она до сих пор существует, обречена на централизм, обеспечивающий сохранение целостности за счет наднациональной, надконфессиональной и прочей надразделительной власти. Централизм может быть либо монархический, когда власть преемственна по линии кровнородственного наследования, либо единоличный диктаторский, когда преемственности власти нет вообще, либо демократический с преемственностью однопартийной власти по схеме демократического централизма.

Постоянно звучат лозунги о создании гражданского общества, формировании среднего класса, достижении всеобщего благополучия без чего Россия не состоится, по всеобщему утверждению. Использование подобных лозунгов в политической борьбе понятно. Но возникает вопрос о возможности и средствах достижения всего этого. Наряду с перечислением объективных трудностей нельзя пройти мимо вопроса об исторических реалиях — а было ли это когда-нибудь в России? И если не было, то случайно ли это, чем объясняется? В данном случае речь идет о системе, а не о личностях. В России первым фактором развития всегда были личности. А чем примечательна Россия как социальная система? Может быть, подыскать более скромную модель, не столь амбициозную, без всеобщего благополучия, но достаточно приемлемую?

Кризис современной цивилизации, понимаемой как технологический способ жизни и как мировое сообщество, существенно отличается от прошлых кризисов, связанных с перепроизводством и переделом территорий и приводивших к войнам, в которых искали выход из кризиса. В соответствии с техносциальной формулой общества происходит абсолютный рост производства, населения и потребления. Если до недавнего времени абсолютный предел роста связывался с ростом населения (недостаток продовольствия), то теперь на первый план все больше выходит угроза предела самого производства, эффективность которого неуклонно снижается. Начало такого кризиса отчетливо проявляется в нарастающем дефиците энергоносителей.

В целом наблюдается рост предметной оснащенности человеческой жизни, усиливается материальное воздействие на окружающую природную и социальную среду, т. е. усиливается предметное давление людей друг на друга. Усложняется система нормативности общественной жизни, углубляется противоречие между естественным правом каждого человека на то или иное действие со своей стороны и таким же правом ограничения этого действия со стороны других людей. Абстрактно это противоречие неразрешимо, но конкретно оно решается в системе социальной дифференциации, в отношении “цель — средство”. В условиях воздействия глобализации кризис материально-технического развития сопровождается кризисом социально-культурной идентификации субъектов мирового взаимодействия.

Таким образом, механизм кризиса современной цивилизации в самом общем виде можно обрисовать следующим образом.

Есть определенные циклы, не заданные и не повторяющиеся. Общество все время идет по какому-то новому пути. Новизна — это объективная необходимость цивилизации. Здесь нет никакого ценностного содержания. Новизна — не судьба, не обреченность, не приговор, это просто необходимость, но всегда имеются какие-то этапы устоявшегося способа существования. Если не переменить способ, когда он исчерпывается, будет кризис. Если из кризиса не выйти, будет конец. Опять же, не в том смысле, что все погибнут, а в том, что общество безостановочно покатится назад, но это только абстрактно-гипотетически, ибо человечество всегда меняет направление и движется дальше. Именно дальше, а не вперед, поскольку такого определенно-поступательного направления не существует.

Будущее никогда не будет лучше или хуже настоящего, которое в свою очередь не хуже и не лучше прошлого. История — это никогда не прекращающееся настоящее, в котором всегда кому-то хорошо, а кому-то плохо, т. е. всегда сохраняется фундаментальное социальное отношение, разделяющее людей на цель и средство. Состояние, когда всем было бы хорошо или плохо, принципиально невозможно.

По мере цивилизационного развития проблемы будут обостряться, точнее, будет эволюционировать специфически-человеческий способ жизни: все больший отрыв от естественных оснований, увеличение степени риска, обострение всех проблем. Идеального

состояния не будет никогда, потому что его не может быть в принципе. Ухудшение положения будет все более вероятным: обострение борьбы, обострение средств ведения войны, средств уничтожения. С другой стороны, совершенствование всех средств защиты, но увеличение общей неравномерности увеличивается, т.е. все более разрушительные следствия в результате каждого конфликта.

В целом картина такая: достижения идеального состояния не будет, потому что оно невозможно. Остается состояние борьбы за выживание, насилия, динамика только в их обострении. Это как падение вниз — остановиться невозможно, в процессе падения состоит вся жизнь, но падение происходит с нарастающим ускорением.

Проблема будущего — объективная проблема устойчивости развития. Будущее не гарантировано, устойчивость материально-технического и социального развития есть результат борьбы, в которой присутствуют две составляющие: освоение природы как источника ресурсов жизни и борьба общностей за ресурсы (сейчас это борьба за характер обмена результатами деятельности, когда более выгодный обмен достигается за счет технологического соревнования и путем силового воздействия).

Кто и насколько далеко заглядывает вперед? Какова зависимость нынешних действий (решений) от будущих состояний? Начинается это с возникновения самого образа (модели) будущего. Зависимость здесь такая: чем больше учитывается будущее, тем сильнее развита общность.

Бытует выражение “этот безумный мир”. Нет, мир нормальный, обычный, т.е. он соответствует закону. Модели безумного или порочного мира, провозглашающие его исправление, улучшение, прогресс, не имеют под собой объективных оснований и являются идеологическим средством в борьбе за выживание.

Широко распространен тезис об оценке России как самостоятельной, особого вида цивилизации. Разумеется, общности, как и люди, отличаются друг от друга и могут группироваться, классифицироваться по различным основаниям (показателям, признакам). Например, расы различаются по биологическим признакам, этносы — по биокультурным характеристикам, цивилизации — по социокультурным и технико-экономическим показателям. Были древние цивилизации с разделением на западные и восточные, но сейчас на Земле одна цивилизация, хотя входящие в нее общности относятся к разным культурам. Не вызывает сомнений то, что в России своя культура, в чем-то сходная, а чем-то отличная от других культур. В том числе можно отметить и особенности ее политической культуры, включая особенности демократии.

Но говорить о России как о самостоятельной цивилизации, нет достаточных оснований, потому что главный критерий цивилизации, как социума, состоит в том, что она может существовать на собственной материально-технической и социально-экономической базе независимо от наличия или отсутствия других социумов. Ни одна из ныне существующих общностей, в том числе и Россия, не сможет сохраниться, случись ей остаться единственной на Земле, если, конечно, не считать некие экзотические племена, живущие автономно где-нибудь в непроходимых джунглях. Речь в данном случае идет не о биологическом существовании, а о форме социального бытия.

Старая система себя исчерпала. Перемены были неизбежны. Гладко и управляемо они пройти не могли, не было на это времени, и внешний мир давил. Субъективно, с точки зрения людей, сограждан, было много непомерно тяжелого но переболеть в любом случае было надо. Задача в том, чтобы сейчас трезво это оценить, как был призыв к трезвой оценке социализма. Но все время чьи-то интересы идут вразрез. Только сильное государство может все расставить по своим местам, т.е. и назад все не вернешь, да и некому, но и оставить все так, как получилось, тоже нельзя. В обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов. Так что рассчитывать на что-то объективное высшее не приходится.

Из утопической модели был неизбежен выход (переход) к естественной модели социальной жизни. Собственное внутреннее реформирование было невозможно, потому что надо было менять качество социального устройства.

Приватизация, как реформа, обернулась всеобщим растаскиванием материального богатства. Возможно, это тоже было неизбежно, поскольку государство на какой-то момент сбросило с себя даже элементарную функцию ночного сторожа. Приватизация породила различие между людьми не на основе обмена результатами деятельности, определяемыми способностями, а в ходе простого разделения собственности, в котором люди тоже различались по способностям, но особого рода, не созидательным. Как известно, умение организовать необходимо и в сфере преступности, здесь тоже имеются свои таланты. Следовательно, понимание приватизации как растаскивания собственности не является ни оригинальным, ни преувеличенным. Иначе и быть не могло при таком резком переходе от одной системы отношений к другой, но для России крайний либерализм разрушителен.

В вопросе об оценке приватизации с точки зрения непризнания ее справедливости и спорности законности преобладает тезис о том, что назад не вернуть, еще одной революции страна не выдержит, не выдержит в том плане, что революция — это период отсутствия общественной нормативности и средств ее поддержания. Иначе говоря, в период революции нет сил, скрепляющих общность воедино (ни идеологии, ни мотивации, ни средств), господствует стихия, состояние мутной воды. В 1990-е годы Россия дошла до критической стадии распада. Если все отпустить сейчас, то распад продолжится по сохранившимся линиям потенциального раскола. Быстро падают вниз, а наверх поднимаются медленно, с трудом, требуется приложение сил, недостаточность которых составляет основную проблему современной России.

Дальнейшее зависит от политической воли элиты. Какая бы власть ни была, она должна будет заниматься проблемой выживания общности. Существуют два главных условия:

1. Устранение пропасти между богатством и бедностью.

2. Формирование цели и соответствующей идеологии, которая должна быть, с одной стороны, привлекательна для основной массы населения, а с другой — быть оправданием организующего насилия государства, осуществляемого от ее имени.

Итоги российских преобразований ясны, но по-разному могут интерпретироваться, оцениваться. Однако до тех пор, пока не будет достигнуто единство (общее или победное, навязанное), не будет и общей оценки. Разница оценок есть выражение борьбы интересов, многовластие. Власть должна быть у государства, никто его не отменял, но государство, как достаточная самостоятельная сила, не проявляет себя в полной мере, к нему остается отношение как к орудию, захватываемому теми или иными социальными группами.

Предлагается много схем развития России. Но до тех пор, пока не будет сформулирована идея достижения Россией лидирующего положения в мире, а на этой основе внутреннего благополучия и стабильности, никакие схемы работать не будут. Либо пока не будет достигнуто абсолютное господство определенной силы, подавляющей всех остальных. Иначе говоря, либо демократия передовой общности, либо диктатура отсталой, но самостоятельной (в этом тоже интересы всей общности). Диктатура и несамостоятельность — это вариант банановой республики, но Россия слишком велика для такого сценария. Стало быть, вопрос стоит о самом существовании России. Его острота обусловлена уже той аномальной неопределенностью, которая проявилась в ситуации с выборами 2008 года.

В понимании отношений России с окружающим миром надо исходить из следующего.

Россию невозможно уничтожить, и ее никто не собирается уничтожать. Здесь объективное противоречие — Россия мешает, и без России не обойтись. В этом выражается

вообще противоречие социального бытия — социальное бытие как борьба за выживание и социальное бытие только как совместное существование. Синтез в борьбе за роль в системе отношений “цель— средство”. Следовательно, задача не в том, чтобы спасти Россию от уничтожения, а в том, чтобы не допустить ее превращения в средство.

О жизни зрелого человека говорят, что она еще не закончилась, но уже состоялась. Ничего нового ожидать не приходится. До сих пор жизнь поддерживалась только надеждой на нереализованные стремления (возможности), а в начале жизни было именно стремление к чему-то новому, желанному, но неизвестному, неизведанному.

Все это относится и к человечеству. Его существование состоялось, ничего нового уже не будет. Модели будущего, утопии остались позади, сейчас их никто не строит и не выдвигает. В лучшем случае осталось только стремление к решению текущих проблем, но их не решить раз и навсегда, человечество обречено на их перманентную неразрешимость. Время экспериментальных социальных моделей закончилось, остались только проблемы и всеобщая борьба.

Но есть еще один образ — это образ страны. Образ новой страны не только не сформировался, он, строго говоря, и не начал формироваться, не может приобрести целевую заданность. Более определенно обстоит дело с образом прошлой страны, который в рациональном сознании все более тускнеет. В аспекте общественной самоидентификации простых людей образ прошлого вызывает одновременно и сожаление, и облегчение: сожаление об утрате принадлежности к великой стране, которая, как казалось, гарантирует абсолютную справедливость и никогда никого не оставит без помощи; облегчение от осознания беспросветной серости и непреходящей обыденности существования рядового человека. Все более явственно приходит понимание исчерпания возможностей социалистического способа жизни, иллюзорности надежд на идеальное будущее, обреченности казавшегося несокрушимым коммунистического социума на слом. В свете этого положения особенно болезненно переживается отсутствие позитивного, конструктивного образа современной, а тем более будущей России, когда складывается и укрепляется ощущение подмены тусклой, подсвеченной одноцветными лозунгами реальной жизни на жизнь, ярко высвеченную рекламным разноцветьем, но суррогатную. Реформы, которые затягиваются, переходят в контрреформы.

Вот уже шестнадцать лет Россия переживает период трансформации, которая представляет собой социально-экономическое структурное изменение, перестраивание, не имеющее ни определенной прогрессивной или регрессивной направленности, ни вообще качественной изменчивости эволюционного или революционного характера. Это даже не хождение по кругу, а беспорядочное метание в экономике, политике и духовной жизни — общество как будто заблудилось, но, как и всякое движение, трансформация нуждается в движущей силе, источнике энергии, без которой она превращается в распад.

Трансформация — это не реформа, а слом *определенного* старого без перехода к *определенному* новому. В России трансформация вышла на первый план, когда разрушали социализм, когда единственной задачей была приватизация, потому что главное заключалось в том, чтобы сломать старое, а все остальное (абсолютно неясное) откладывалось на потом. Пусть будет как угодно — лишь бы не по-старому — вот образ российской трансформации. Источником ее энергии послужила сама старая система, накопившая большой объем жизненных ресурсов.

Задача слома старого общества была выполнена с превышением, из состояния трансформации пора выходить и формировать нечто новое. Нельзя застыть в переходном состоянии. Чтобы изменить направление, необходимо развернуться, но нельзя просто крутиться на месте. Источником энергии непрекращающейся трансформации на современном

этапе стали нефтедоллары — по сути, случайный фактор, от которого трансформация не переросла в стабилизацию в строгом смысле этого слова.

При переходе от централизма к либерализму на смену плану приходит проект. Однако в условиях трансформации в силу отсутствия какой-либо определенности невозможно ни то ни другое. России необходимо выйти из состояния трансформации, но этому мешает отсутствие определенного социального проекта по причине заклинивающего равновесия противоположных интересов, суммарно образующих два основных вектора, из которых один направлен на реконструкцию российской целостности при сохранении самой России, другой означает растворение целостности в агрессивной среде глобального либерализма, экспортирующего мировую демократию. Глобализация в этом аспекте может рассматриваться как установление всемирной демократии, которая является целью мировых лидеров и фактически воплощает в себе режим однополюсного мира.

Трансформация России в решающей степени определяется воздействием на нее со стороны окружающего мира, в результате чего трансформация может быть представлена, скорее, как деформация. При этом сам мир, как система общественных отношений, на протяжении всей истории постоянно трансформируется без какой-либо позитивной направленности, хотя материально-предметная сфера общества, в первую очередь, техника, рассматриваемая в отрыве от ее общественной природы, особенно от экологического измерения, якобы прогрессирует. Это означает, что социально общество никуда не движется, оно только трансформируется под воздействием развивающейся материальной предметности, причем то и другое становится все более динамичным.

Перманентное состояние трансформации России порождает ее обостренную сосредоточенность на своем и чужом будущем, Россия буквально живет будущим, связывая с ним начало новой, подлинной жизни, свободной от тяжелого груза нынешних проблем. Однако в условиях вытекающей из трансформации неопределенности, неустойчивости прогнозировать, а тем более планировать на сколько-нибудь отдаленную перспективу невозможно. Более того, весь мир становится все более динамичным, а потому и временные отрезки прогнозирования — все более короткими. В абстрактной тенденции дело идет к тому, что люди не смогут быть уверенными в том, *что* их ждет завтра.

В социально-психологическом плане эта ситуация выражает качественное преобразование в сознании россиян, отражающее коренные изменения их бытия. Люди отказываются от будущего и сосредоточиваются на настоящем, их девизом стала жизнь сегодняшним днем, его маленькими и большими радостями. Освобождение от тоталитаризма обернулось освобождением от будущего. Соответственно всякая более или менее конструктивная постановка вопроса о будущем России, который в конечном счете сводится к вопросу о сохранении ее целостности, болезненно воспринимается как призыв к возврату тоталитаризма.

Трансформация современной России сама по себе является не целью, а средством. Цель состоит именно в движении к какому-то осязаемому конструктивному результату. Таким конструктивным результатом (конечной целью) является всеобщее благополучие. Коммунизм объявили химерой, а всеобщее благополучие в качестве лозунга оставили. Но в таком случае коммунизм оказывается всего лишь негодным способом достижения всеобщего благополучия.

Трансформация рождает и свое противоядие в виде консерватизма, который означает направленность деятельности людей на выживание (сохранение) общности, точнее, на сохранение средств, способа, обеспечивающего достижение главной цели — выживание. Речь идет о сохранении (поддержании) способа жизни. Консервируется именно способ.

Но в ходе общественного развития возникают новые средства поддержания жизни, формируется новый способ жизни. Возможно возникновение противоречия между

старым и новым. Так появляется консерватизм, который может иметь как положительный, так и отрицательный характер.

В силу многообразия сфер жизнедеятельности и средств поддержания способности общности к выживанию многообразны и проявления консерватизма: политический, технологический, правовой, семейный, религиозный, социальный и т. п. В принципе возможно прописать консерватизм по всем этим сферам, в том числе и их взаимосвязь.

Лозунговое обращение к социальному консерватизму как модели социального развития предполагает определенность видения его содержания и назначения, в противном случае он не может быть предметом призыва. По своему содержанию современный российский социальный консерватизм представляет собой идеологию сохранения определенного набора ценностей и норм общественной жизни России советского образца: доступное образование; доступная медицина; доступное жилье; обеспеченная старость; коллективизм при свободном развитии личности, т.е. при отсутствии антагонизма между личным и общественным, но при допущении и готовности к жертвенности личного в пользу общественного (гуманизм и патриотизм); справедливость власти (совпадение справедливости и законности); сочетание свободы и ответственности, порядка, дисциплины; гуманистическое наполнение культуры и др. Примечательно то, что многие из этих призываемых к сохранению норм и ценностей никогда не были реализованы на практике в полной мере, но всегда были целевыми ориентирами в организации российской социальной жизни.

Социальный консерватизм в обобщенном виде означает курс на сохранение общности как таковой. Отдельные составляющие консерватизма — сохранение культуры (например языка), ценностей (например семьи), форм политики, религии, национальных праздников и т. п. Консерватизм не тождествен простейшей консервации, вызывающей загнивание, сохраняться может только развивающаяся, а значит, реформируемая, модернизируемая общность. Следовательно, консерватизм не абсолютен, а относителен, конструктивен. Отстаиваемые элементы общности когда-то при своем возникновении сами были новыми. В этом смысле социальный консерватизм можно рассматривать как стремление к преобразованиям без социального риска, как защиту от социального риска, который объективно несет в себе новация, а не абсолютное отторжение новации. Консерватизм не перекрывает инновационный процесс, но тестирует его и ищет средства защиты от отрицательных последствий.

Социальный консерватизм предполагает сохранение исторически сложившихся общепринятых в данной общности представлений о предпочтительном способе жизни. В царской России консерватизм имел в основном социально-политическое содержание и ориентировал на сохранение сословных устоев общественной жизни, поддержание социального спокойствия. В послереволюционной России, Советском Союзе, был провозглашен курс на обеспечение народного благополучия как начального и промежуточного состояния на пути к будущему коммунистическому обществу. Сначала он имел подчиненное значение перед лозунгами мировой революции и приоритетами индустриальных и аграрных преобразований СССР, однако занял центральное место во внутренней политике после Великой Отечественной войны, вытеснив в область абстрактно-теоретических конструкций конечно-целевую модель коммунизма. В современной послереформенной России консерватизм характеризуется соединением лозунгов социально-политической стабильности и жизненного благополучия людей. До уровня благополучия сырьевых монополистов Востока ей не дотянуть по причине недостаточной концентрации природных богатств, а западные лидеры слишком далеко вырвались вперед технологически.

Запад знает две модели общества — традиционное и современное. Последнее — это общество равных (людей, регионов, партий, религиозных конфессий и т. д.). В России к современному обществу призывают либералы (западники). Централисты (славянофилы) в публичных речах призывают к тому же, но объективно (и справедливо) направляют к сохранению традиционного общества. Здесь России нечего изобретать. Перед ней стоит задача превращения в современную великую державу, экономически независимую, в научно-техническом и технологическом отношении передовую, социально гармоничную, военно-политически влиятельную. Для этого необходимы: деловая и социальная активность большинства населения, направленная на выполнение общественно значимых задач; целевое единство социального действия, преобладающее над внутренней конкуренцией и борьбой на взаимоуничтожение и обеспечивающее тем самым устойчивость существования России, ее целостность, гарантированное выживание в окружающем мире. Так называемое социальное партнерство означает именно целевое единство социального действия, подобное единству пассажиров поезда, состоящему, независимо от класса вагона, в том, чтобы всем вовремя и благополучно доехать до места назначения, которое у каждого пассажира свое.

В отличие от России, в развитых западных странах современный консерватизм провозглашает приоритет демократических свобод, являющихся в рамках внутренней жизни традицией, символизирующей устойчивость определенного способа жизни, а в сфере внешнеполитической — средством обеспечения собственного господствующего положения. В странах, условно называемых развивающимися, благополучие не является ни предметом действующей политики, ни идеологической категорией массового сознания. Применительно к этим странам вопрос о благополучии не ставится даже теоретически.

Смысл нынешней борьбы вокруг социальных реформ (социального обеспечения) состоит в том, чтобы сбросить с государства социальную сферу, иначе возникает противоречие между уходом государства из экономики и его зависанием в социальной сфере. Последняя базируется не на благотворительности, а на принудительности (через налоги). Там, где люди могут обеспечить свою жизнь на базе собственности, не нужны ни социальная сфера, ни благотворительность, впрочем, там нет и противоречия между социальностью и либеральностью, поскольку либо достигается высокая социальность через большие налоги, либо реализуется полная свобода выживания на базе собственности при низком налоге.

Трансформация должна смениться развитием, от энергии бега на месте следует переходить к энергичному движению вперед. В начальный период трансформации многие говорили о России, которую мы потеряли. Сейчас в пору говорить еще об одной потерянной России, но пора сформировать образ России, которую надо приобрести. Однако кто видит образ этого нового и кто знает истинное направление движения? Одно несомненно — это должно быть движение в сторону общественного благополучия.

Важной особенностью российской истории является то, что перед Россией почти все время стоит мучительная проблема выбора пути развития, которая в очередной раз чрезвычайно обострилась на наших глазах. Россия в очередной раз, как бы, отвергает свое прошлое и настоящее и начинает свой исторический путь заново, стартует с нуля. Вместе с тем в самом факте стоящей перед нами проблемы исторического выбора заключено определенное позитивное содержание — возможность выбора означает нашу свободу, и эту возможность мы обязаны сохранить навсегда, чтобы никто и никогда не решал за нас и не навязывал нам способ жизни.